

Юрий ОНОПРИЕНКО

«НОЧНОЙ РАЗБОЙНИК, ДУЭЛИСТ...»

(Продолжение. Начало в №108).

На скользком берегу Финского залива Толстому показали в темень:

— Видишь лёд, пасквилянт? Там где-то швед; иди, узнай, коль не потопнешь, слева он иль справа сидит.

Толстой тотчас ушёл за залив и утром приволок оттуда сразу двух оглушённых шведских офицеров, лежащих у него на плечах, словно снулые сомы на торговом лотке.

— Сами у них узнавайте.

Очнувшиеся шведы поползли от него на карачках — спасаться к русскому командиру князю Петру Ивановичу Багратиону, изумлённо щипающему свой густой бакенбард.

Бросок багратионовского войска через залив был быстр, удачен; сам Толстой перекрошил десяток врагов и тут же был восстановлен во всех званиях, отправлен к князю Долгорукому в адъютанты, где с блаженством стал заниматься кухней.

— Мясо должно быть красным, хлеб белым, а рыба сильно бить хвостом, — поучал он полковых поваров.

"Обжор властитель, друг и бог", — написал потом о нём Вяземский. Да многое о нём ещё напишут самые блестящие люди того блестящего века.

После войны кинулся Толстой в гульбища, лез дирижировать салунными оркестрами, а если не давали, отбивал такт канделябром.

Успокаивали его хитро и надёжно: отзывали в тайную залу, где уже толпилась вся благороднейшая мужская братия, вплоть до самых сановитых отцов семейств и обладателей самых главных государевых постов.

— Ну, граф, все вас просим: разденьтесь.

Толстой с цирковой готовностью скидывал мундир и панталоны, показывал всего себя, заканчивая причинным и мягким местами.

Татуировки его стали достопримечательностью Петербурга. Дамы, с приторной брезгливостью оттопыривая губки, жадно выпрашивали у мужей подробности и местоположения туземных рисунков.

Многие из них за что угодно хотели бы повидать это неприличие самолично — и видали. Поручик Ржевский — это ведь наш поручик Толстой.

Ссориться с ним не желали, он сам ссорился, с кем желал. Иные его крупные дружбы тоже начинались со ссоры. Молодого пушистого князя Гагарина он вообще сначала вызвал на дуэль, а потом вмёртвую с ним сдружился.

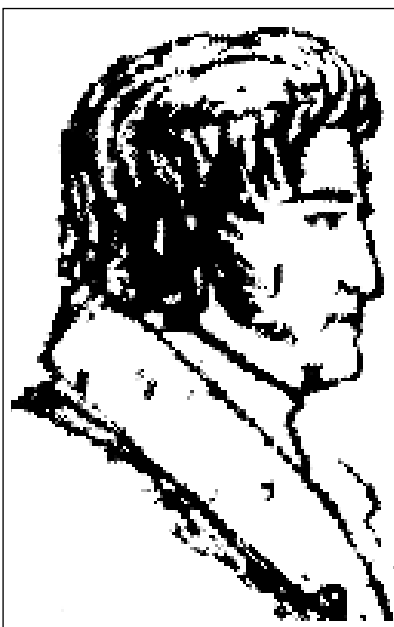
Однажды Гагарин и сам кого-то вызвал. Вечером просит Толстого:

— Будьте завтра моим секундантом, граф.

— Буду, князь. Заезжайте за мной утром. Конечно, непременно буду вашим секундантом.

Как не быть, он всегда к тому готов. "В дуэлях классик и педант, любил методу он из чувства и человека растянуть..." — сказал позже о нём Пушкин, описывая Зарецкого, секунданта Ленского.

Но в тот раз случилось вдохновенное отступление от "методы". После вечернего разговора пушистый и слегка, понятно, взволнованный Гагарин рано утром приезжает к приятелю-секунданту — а Толстой после ночного кутежа

Многое хотелось бы рассказать об этом необыкновенном, преступном и привлекательном человеке.

Л. Н. Толстой

спит беспробудно, хрюком храпит, аж голландский паркет от пола отскакивает; и ни о пистолетах, ни о докторе не позаботился.

— Граф, я вас не узнаю! Вы же мой секундант!

— Кто, я? — с усилием продирает Толстой свои глаза, как всегда красные и гипнотические.

— Вы, вы! Вы меня... У меня же через час дуэль!

— Дуэль? С кем?

— Как? Вы не помните? Я вечером вам говорил... Дуэль с этим... с Микрюткиным.

Толстой хохочет, спальня трясётся, паркет совсем взлетает над полом.

— Не будет, князь, у тебя дуэли с Микрюткиным! Понял? Не будет!

— Что? Как?

— А так, что я его уже убил.

Стоит Гагарин, зеленеет, желтеет, качается, ничего не понимает, смотрит жалко. Толстой хлопает князя по тонкому, мгновенно прогнувшемуся плечу:

— Дело простое: не захотел я тебя под пулю подставлять, дорог ты мне. После нашего с тобой разговора поехал я по всем домам Петербурга, полночи ездил, в седьмом или восьмом доме нашёл его на балу, придрался и вызвал. Да чтоб сейчас же немедленно стреляться! — говорю. Ну и часа два назад кончил с ним.

Русские дуэли ужасали всю Европу. Они у нас всегда считались хорошим тоном, лучшей защитой чести — может, это и правильно, при нашей-то извечной волоките и лживости казённых разбирательств.

Русские дворяне стрелялись по любому поводу и на самых жестоких условиях, на каких ни один европеец стреляться никогда не соглашался, а тут же бежал за помощью в инстанции.

Царю пеняли, он пенял царедворцам, те время от времени устраивали показательные строгости.

Фёдор Толстой был весьма удобен для этого. И когда в одиннадцатом году он убил на дуэли Нарышкина, Толстого вновь разжаловали и вновь посадили в острог.

И вновь он саркастично и артистично писал оттуда грозные жалобы, и вновь

— Правда, — кивнул Гагарин, не чуя подвоха.

— Да, плохо ему без чая, — продолжал всё с той едва заметной иронией Толстой. — А ты, князь, и со здоровой ногой к нему, небось, не сунешься, чтоб чайком угостить.

Гагарин молчал, уже всё почуяв.

— Держу пари, не сунешься. На две дюжины шампанского — не сунешься.

— Ах так, ну хорошо, — сказал обозлённый Гагарин, встал, взял у казаков увесистый мешочек с чаем и отправился, утопая в снегу, прямо к французским постам, маячащим у низкого вьюжного горизонта.

Голодные французские часовые встретили его, заторможенно спросили, куда вести, и отвели, куда сказал — к императорской палатке. Сидящие возле неё наполеоновские гвардейцы в высоких медвежьих шапках были потрёпаны, но честны и вежливы.

Император приказалпустить русского офицера. Гагарин с подобающим высокой аудиенции почтением отдал честь, представился, потом подал Бонапарту казачий мешочек и сказал:

— Это наше угощение, согрейтесь, сир.

Сумрачный Наполеон заглянул внутрь уютной холстины, спросил, что это; затем приказал заварить чай на всю гвардию, и пока там исполняли, вяло поинтересовался:

— В чём причина такого необычного поступка, князь?

— Офицерское пари, император.

Наполеон заметно оживился, нечто мечтательное мелькнуло на его прямом лице, какие-то воспоминания его генеральской юности.

Он позвал гвардейца, приказал выдать Гагарину один из последних ящиков своего шампанского, как свидетельство того, что пари им выиграно, и проводить князя до русских бивуаков.

Впереди перед Бонапартом уже светилась могильная хлябью река Березина. Позади стояли непобедимые, как и сам Наполеон когда-то, русские офицеры; непобедимые, поскольку по-прежнему способны на изысканные бесшабашные пари даже во время большой и беспощадной войны.

Толстой измял друга в объятиях и отдал ему проигранные две дюжины.

Позже он отдаст проигравшемуся карты Гагарину даже своё имя, но то не поможет старинному приятелю.

Продолжение следует.